

18+

Фёдор Шитарчук
Классическая
научная
фантастика.
Рассказы и истории

Фёдор Титарчук

**Классическая научная
фантастика. Рассказы и истории**

«Издательские решения»

Титарчук Ф.

Классическая научная фантастика. Рассказы и истории /
Ф. Титарчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-682478-2

В сборник вошли отдельные рассказы из разных циклов автора, такие как «Роблинги» или «Креативное бюро его Светлости», и отдельные произведения, не связанные между собой. Часть рассказов были ранее опубликованы в книгах «Закон времени и обычные люди» и «Где-то в „Зазеркалье“», часть «видит бумагу» впервые.

ISBN 978-5-00-682478-2

© Титарчук Ф.
© Издательские решения

Содержание

Классическая научная фантастика. Рассказы и истории	6
Вместо предисловия и пояснения	7
Из Цикла – «Креативное Бюро Его Святости»	8
Креативное Бюро Его Святости	8
Из Цикла – «Трудовые будни. Обычные люди»	20
Трудовые будни. Обычные «люди»	20
Банальная история. Или один день работы рядового гастронома	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Классическая научная фантастика. Рассказы и истории

Фёдор Титарчук

© Фёдор Титарчук, 2025

ISBN 978-5-0068-2478-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Классическая научная фантастика. Рассказы и истории

Фёдор Титарчук / Fedir Tytarchuk

Вместо предисловия и пояснения

Доброго Вам дня, уважаемый читатель сих строк. Автор нижеприведенных рассказов хотел бы выразить Вам признательность за то, что в наш век скролов и коротких мемов редкий читатель отваживается даже взять книгу в руки, не говоря уже о том, чтобы её осилить, прочесть, осмыслить и сделать почерпнутое достоянием своего внутреннего мира. Надеюсь, что Вы именно таковой.

И так, про что же сия книга?!

А в руках вы держите сборник произведений преимущественно фантастического направления. Почему преимущественно?! Дело в том, что с некоторого времени рамки понятие фантастического произведения столь размылись, что уже, кажется, фантастика постучалась к нам в двери и стала частью нашей повседневности. То ли дело 60-70-е годы, самый рассвет того, что называют научной фантастикой или просто «твердой». Тогда было всё проще, как автору кажется. Но сейчас, как, опять же, автор уверен – интересней.

Но да нее будем уходить в исторические дебри, вернёмся к данному сборнику. И так...

В сборник вошли произведения **Фёдора Титарчук / Fedir Tytarchuk**, и которые ранее не издавались и не переводились.

В сборник вошли ка отдельные рассказы из ряда циклов автора, таких, например, как «Роблинги» или «Креативное бюро его Светлости», так и отдельные произведения, не связанные меж собой.

Произведения насыщены юмором, иронией, местами даже сарказмом и потому при первом прочтении могут оказаться больше развлекательными, чем несущими некую глубокую мысль, но поверьте, как любое многослойное произведение, за ширмой легкости, ироничности всегда можно разглядеть то, что интересует и беспокоит автора.

Тематика этого сборника, как уже упоминалось ранее – фантастика. Но при том автор не ограничивается только этой тематикой. В его «арсенале» имеется детская серия о девочке Аленке и Паровозиках, что живут в заколдованном лесу... Или же куда более «резкие» произведения, ближе к арт-хаусу или городскому роману (как пример – «Я дарю Вам презренье») и, надемся, и до них дойдут руки, дабы перевести их на иные языки с русского и украинского. И, поверьте, этим «репертуар» автора нее ограничивается...

Сейчас же Вы держите его произведения жанра фантастики и, если есть желание, если Вам рассказы пришлись по душе, то можете написать автору, поделиться, и, если захотите, даже поддержать автора для переводов его произведений на иные языки. Увы, правила данного издательства не позволяют разместить электронный адрес в начале книги (только в финальной её части), потому контакты Вы сможете найти промотав/пролистав книгу до финала.

И да, рисунки... Издательство просит указывать авторство графического материала, используемого в книге (вот такие правила), в связи с чем, подчиняюсь – всё изображения, использованные в данной книге, принадлежат автору и выполнены либо им самим, либо по его просьба/заданию, сего супругой и дочкой, ссылки на чьи аккаунты так же приведу в финальной части книги.

А сейчас, уважаемый читатель – вперед, читаем и наслаждаемся!!!

И да, часть текста также данной книги (несколько рассказов) опубликована в таких книгах, как «Закон времени и обычные люди» и «Где-то в „Зазеркалье“».

Из Цикла – «Креативное Бюро Его Святости»

Креативное Бюро Его Святости

– Привет гениям креатива и шутовства! – в помещение ввалился долговязый Алавур. Его напарник, невысокий, щуплый, но очень харизматичный Залибванг махнул лишь в ответ, катаясь в кресле на колесах и потягивая тягучий напиток смоляного оттенка.

– Загар у тебя прямо Адский! Только вот нимб посинел... – заметил он. – Как отдых?

– Отдых! – упал в свое кресло Алавур. – О том остались лишь воспоминания.

– И? – утро рабочего дня в креативном отделе начиналось всегда скучно и уныло, потому Залибванг требовал подробностей.

– Пляжи преисподней – райский уголок! – процитировал он их общее с Залибвангом творение, некогда специально сотворенное для рекламы туристического бизнеса в преисподнюю.

– Неужто так прекрасно, как в наших плакатах?

– Я бы сказал, что наши плакаты не отражают и сотой доли тех удовольствий, что способен предоставить туристу Ад.

– Ну, ты не путай туризм с иммиграцией! – рассмеялся Залибванг. – Надеюсь, грешницы ещё в аду не перевелись? – подмигнул он коллеге.

– Этого добра там хоть отбавляй! – тягучая жидкость а-ля смола выползла из автомата и упала на дно чашки Алавура. – Развлечения на любой вкус! Узаконенная проституция со святошам и старыми девами, сафари на извергов или отбивные из языков словоблудов! Все десять грехов в исполнении! Не жизнь, а сладкий райский сон!

– Только вот нашей зарплаты на пару недель рая и хватает! – ухмыльнулся Залибванг.

– Не самое плохое у нас положение, – парировал Алавур. – Кризис. Поток свежих душ растет день ото дня, на Земле так вообще невесть что творится, так что не нам жаловаться...

– Это да, – согласился Залибванг. – Тут на днях, пока тебя не было, один из отдела рассмотрения жалоб прихожан – те, что жалобы по ячейкам, типа «на рассмотрение канцелярии Всевышнего», «на топку котлов», «вредоносная муть» и тому подобное, – пояснил потягивая вторую чашку смолоподобной субстанции Залибванг. – Вдруг отцом едва не оказался?

– Ну и что тут такого? – не понял коллега.

– Да ты погодил, не перебивай! – отмахнулся Залибванг. – Приходит, значит, жалоба по их линии. Возносит мольбу некая прихожанка и говорит что-то вроде: «Вошёл в мои палаты небесный ангел и овладел мною! Говорил, что сын наш станет властелином мира...» И тому подобная чушь. В иной ситуации подобные обращения отправили бы на растопку котлов в преисподней, а тут новичок, из того же отдала, раз да усмотри в том опасность возможного прецедента, некогда имевшего места и приведшего... Ну ты знаешь к чему?

– Да уж, пришлось нам тогда попотеть с раскруткой «сына божьего». Как по мне – результат вышел превосходный!

– Так вот, угладел этот млодо-демон в том вероятную опасность, да и переправил все это «куда следует»!

– Да ты что?! – удивился Алавур. – Неужто туда? – он указал куда-то вверх.

– Именно! – подтвердил Залибванг. – А там, как понимаешь, шутить не любят.

– Да уж, Ежов, Мюллер, Берия да и железный Феликс не зря их тренировали...

– А у них был выбор?

– Это уже иное, – постарался вернуть в исходное русло разговор Алавур. – Что там с этим, лже-отцом?

– Разыскали вопрошавшую, допросили с пристрастием, отчего та сразу же по возвращении ушла в монастырь, уверовав в контакт с силами Ада, но вот папашу отловили...

– И?

– Им оказался мелкий клерк из того же отдела рассмотрения жалоб. Воспользовался, так сказать, служебным положением. При рассмотрении жалоб отбирал вот таких – набожных и глупых баб из глухих селений, изучал их образ жизни... – улыбался Залибванг, ему история казалась забавной. – Вот так и получалось – днем тихий незаметный клерк на третьеразрядной должности второсортного отдела, а ночью – маньяк-обольститель.

– О как! – удивился Алавур. – Запрет на сношения с земными ни кто ещё не отменял! – резюмировал он. – В свое время мы много хлебнули от подобных инцидентов.

– Да если бы пошел он только по «Соблазнению опекаемых», то дело бы на том и закончилось, – подмигнул Залибванг. – Но Служба Божественной Безопасности и Произвола не может позволить мараться по таким пустякам. Потому парень пошёл совсем по иному делу! – жидкость в чашке закончилась, и он с пренебрежением швырнул чашку на стол. – Здесь «Посягательством на трон и имя Всевышнего» пахнет. Так что, под вышку подводят нашего маньяка.

– Да уж, вышка – это наказание, которого я бы не пожелал и врагу, – содрогнулся Алавур. – Быть выброшенным в мир людей, в эту пучину страстей, необустроенности и произвола...

– Да ещё и быть обязанным исполнять все божьи заповеди!

– Ну уж это высшая мера несправедливости! – согласился Алавур. – И зачем мы их только тогда придумали?

– Так нужно было, – со знанием дела кивнул Залибванг. – Иначе концепция не складывалась полностью.

– Тебе виднее, – согласился с ним коллега. – С парнем то что будет? Как ты считаешь, удастся ему выкрутиться? Или... вниз?

– Это демону-то вывернуться у ангелов из СББиП? Да не смей ты меня. Они как заполучат в свои лапы демона, так...

– Я вот порой думаю, что уж лучше бы в СББиП демоны заправляли. С ними хоть договориться можно.

– Крамольные мысли тебя посещают! – взвился оратором Залибванг. – А меж тем все наши мысли и поступки, быть может, задокументированы в Небесной канцелярии.

– А если даже и так, то ничего я крамольного не произносил, – поправился Алавур. – Для протокола, – он выкрикнул куда-то вверх издавая попутно хихикающие звуки. – Были времена, когда службой заведовали демоны... И справлялись...

– Ну уж ты тут вообще загнул... – отмахнулся от него Залибванг, впрочем, без каких-либо опасений.

– А знаешь какие в преисподней чертовки?! – забросив за голову руки, ударился в сладкие воспоминания Алавур. – Стройные ножки, упругие открытые ягодицы, ухоженные копытца. А глаза! Глазищи полные огня!! Не в пример нашим нимбоносным бледным пеганкам с васильковыми глазами.

– Это на любителя! – не согласился Залибванг. – Кому-то и вычурную святость подавай...

– Ну, уж точно не тебе! – хлопнул по плечу Алавур. – Кто из нас был женат на бесовке?

История супружества с огненноокой Жарин для Залибванга была больной темой, невзирая на то, что прошло уже два с лишним года. Их страсть длилась не долго, но оставила животрепещущую рану на сердце Залибванга. В итоге Жарин ушла к куратору их департаментом, с которым её на одном из вечеров и познакомил Залибванг.

– Ну да ладно, – осознав свою оплошность, выправлял ситуацию Алавур. – Пока меня не было, что тут произошло нового?

Залибванг, потеряв желание шутить и делиться сплетнями, перешёл к работе:

– Согласно данных аналитического отдела, рейтинг Его Святости, он же Всевышний, упал ниже красной черты. Все без исключения религии и идеологии теряют влияние среди паствы. Пряники вроде рая или коммунизма, обещания вечной кары или отсутствие денег в их мире уже не приводит людей к богу. Мир становится безбожным и скатывается в греховность.

– О! Как истину открыл! – усмехнулся Алавур. – Рейтинг Его Святости падает на протяжении уже нескольких столетий. Жизненный цикл этой цивилизации уже перешёл стадию насыщения и катится по наклонной, находясь в стадии спада.

– И там, наверху, сочли, – Залибванг указал пальцем в потолок столь многозначительно, что Алавур смолк на полуслове. – Сочли, что полумерами уже здесь не обойтись.

– Это как же не обойтись? – удивился Алавур. – Может новую религию?

– Не пойдет! – отрезал Залибванг. – Помнишь, как мы с тобой когда-то разрабатывали первые примитивные религии?!

– А то! – рассмеялся Алавур. – Все эти поклонения восходящему солнцу и танцы вокруг тотема или костра. Да, были времена. Нас просто несло тогда... Мы только приступили, после старой команды... И работы было много.

– Человечество тогда было разобщено – это факт. Под каждое племя своя религия, свои верования, свои святыни...

– Но, признай, мы тогда и филонили много. Кальки на почитание солнца и божества ночи...

– Времени и сил не хватало, – согласился Залибванг. – А исследователи там, на Земле, теперь голову ломают, как так получилось, что в разобщенных племенах, никогда не имевших контакт меж собою, столь сходны верования и предания?

– Ищут прародителей. Сами изобретают легенды... Нам бы у них учиться надо. – шутил Алавур.

– Ну так просили же стажера и помощника из вновь представившихся в свое время... Не срослось.

– А как забавно с олимпийцами у нас получилось! – рассмеялся Алавур, ударившись в воспоминания.

– Да перепили мы тогда, – эта тема Залибвангу была не очень приятна. – Перепили, а проект горел. Срочно нужно было нарождающееся культурное общество направить в нужное русло...

– Ну вот и создали культ почитателей вина, женских красот и...

– И жертвоприношений! – ёрничал Залибванг.

– Ну если головную боль после похмелья на несвежее мясо списывали, – напомнил ему партнер. – И чья тогда была фраза: «Да гори оно всё огнем!»?

– Да, забавно вышло. И что интересно, идею с первого раза и Совет подмахнул.

– Мы же с одной вечеринки тогда вернулись. В одном русле мыслили... – вспомнил Алавур. – Мне больше битва за атеизм запомнилась. Два года шел спор, не подорвет ли это веру в Его Святость? Не уведет ли в сторону? Не перехватит ли власть Бесовское Отрепье?

– Баталия была ещё та, – согласился Залибванг. – Нимбоносные с пеной у рта отстаивали святость и непогрешимость Его Святости, копытная бесота напротив – требовала перемен и свобод для земной паствы...

– И получили мы то, что получили – компромисс, который не устроил ни кого, но зато был реализован строго по инструкции и потому давший самые непредвиденные результаты.

– Ну, это как водится! – согласился с ним Залибванг. – Помнишь, как в инструкции допустили неточность сказания о количестве пальцев для крестного осенения...

– Из-за мелкой опечатки на Земле война вспыхнула. Так что, новая религия не котируется?

– Не-а... – ехидничал Залибванг. – Аналитический отдел утверждает, что у населения Земли выработался устойчивый иммунитет на разного рода религиозные и идеологические учения, поклонение «золотому кошельку», естественно, не в счет, ибо не возвеличивает Его Святость.

– Тогда концепт – благосостояние связано с верой в Его Святость...

– Деньги – это прерогатива того, чье имя не произносится...

– Тогда пророка или святого им!

– Последний из пророков окончил свои дни в психушке...

– А если региональную войну во имя веры?

– Да уже с пяток таких запустили. Воюют, а результат тот же...

Как-то не заметив того, от обычной болтовни они перешли к обсуждению рабочих вопросов.

– Социальное потрясение...

– Было. Возрождение задумывалось совсем иначе...

– И что?

– Устаревшая система рухнула и дала путь тому, что привело к падению веры и, как следствие, Его позиций. Так что Социальными потрясениями больше не балуемся. Табу.

– Тогда культурная революция?

– Было. Из последнего – сексуальная...

– Да уж... – Алавур вспомнил, как радостно потирали демоны свои волосатые лапы на заслушивании результатов этой активности. Тогда, говорят, Его Святость даже своих креативщиков заподозрил в сговоре с бесами и самим... Чье имя здесь старались не упоминать.

– Кризис мировоззрения!

– Да весь мир сейчас единый кризис. Одним больше, одним меньше – никто и не заметит...

– Новую псевдо-религию?

– Со старыми не знаем что делать. Да и с нарождающимися бороться случается.

– Природный катаклизм?

– Если таковой и будет, то с катастрофическими последствиями. Здесь все дело идет к...

– Ты о зачистке говоришь?

– О ней самой! – улыбнулся Залибванг. – И если мы тут не найдем решения, то всё ею и кончится.

Последняя зачистка, вошедшая во многие религии как Всемирный потоп, был реакцией на потерю управления ситуацией. Кто-то готов был поспорить с таким решением, но принятое Там, оно не обсуждалось.

– Ты это серьезно? – не верил своим ушам Алавур.

– Серьезней не бывает, – подтвердил Залибванг. – Информация по самым проверенным каналам.

Алавур прекрасно знал все эти каналы. Очередная секретарша в одном из департаментов, проболтавшаяся при пикантных обстоятельствах. Алавур порой подозревал, что по количеству похотливых походов Залибвангу больше подошло бы место где-то в бесовских пенатах, но рожденный «в свете», он оставался нимбоносным и служил в креативном отделе Его Святости.

Зачистка проводилась не впервой и каждый раз приводила к изменению баланса сил как внутри иерархии, так и между силами нимбоносных и бесовских. Последние так и норовили перехватить внимание Его Святости, если и вообще не посягнуть на трон. Многие же специалисты, востребованные в присутствии мира населенного достаточным количеством людей, оказывались ненужными и в лучшем случае сидели на минимальных окладах, ожидая изменения ситуации, а то и просто уволенными в один день. К таким отделам принадлежал и креа-

тивный, орудие Его Святости, мозг и источник идей, которые в иных условиях просто никому становились не нужны. В прошлый раз Алавур и его напарник как-то перебились, пересидели, изошли от скуки, даже придумали шахматы и рубились в них до потери сознания, но что будет в этот раз, – им было неведомо.

Сказать, что Алавур и Залибванг были на хорошем счету у Его Святости, было бы преувеличением. Как существа креативные, порой балующиеся запрещенными препаратами, водящие связи с враждебным лагерем, принимающие временами от тех подарки и даже имеющие сношение с представительницами противоположного пола из бесовского отродья, они не по всем параметрам соответствовали той святости, что была записана во всех основополагающих документах канцелярии Его Святости. И пока они выбрасывали наверх нестандартные идеи, пока воплощали их в жизнь, им многое прощалось. Порой они оступались, грешили, разглашали, прелюбодействовали и срывали сроки. Ими часто были недовольны. Им ставили в вину их поведение. Их боялись за возможность очередного финта с рекомендациями на исполнение той или иной программы. Пара пророков, побывавших по их разнарядке на Земле, после этого грозились очень сильно их травмировать и потому решением Его Святости тем было запрещено даже приближаться к Алавуру и Залибвангу.

Их не любили, как не любят неординарных выскочек, вносящих сумятицу в налаженную жизнь болота канцелярии Его Святости. Бесы на них собирали подробное досье, искали способы заполучить их, подкупить, скомпрометировать, очернить да замарать, – лишь бы те проводили вполне определённую политику. Одно время даже подымался вопрос, чтобы в группу ввести уравнивающее количество бесов, дабы... Но Его Святость своим решением отверг эти поползновения, поставив на вид тому, чье имя здесь не произносится...

Так уж складывалось, что Его Святость по понятным только ему причинам, относился к креативщикам покровительственно, но не все же однозначно, видимо желая иметь под рукой хоть кого-то, кто может удивить его чем-то новым, внести разнообразие и поднять волну на том самом болоте канцелярии.

В случае же зачистки, когда будут приниматься решения о судьбах многих, скорее всего все вопросы по сотням тысяч служащих, больших и малых, будет отдано на рассмотрение отдела персонала и те в первую очередь рассчитаются с ними. Алавур и Залибванг как-то имели неосторожность в проект создание церкви на Земле включить в исполнители и персональщики. Те справились, положили тысячи своих адептов и люто возненавидели креативщиков. После увольнения, с коре всего, ими сразу же займется СББиП. Залибванг как-то умудрился поиметь отношения с дочерьми их бессменного руководителя и тот бы давно задавил Залибванга своими руками, если бы... А тут такая возможность...

Залибванг вздрогнул, представив эти бесстрастные голубые глаза...

«Нет уж! – взял себя в руки он. – Зачистке не бывать! Нужно решение!»

– И когда нужен ответ? – как будто прочел его мысли Алавур.

– Сегодня! – прошептал тот.

– Как это сегодня?! – удивлению не было предела. – А год-два на сбор информации, столько же на её обработку... Провести тесты, плотные проекты, обкатать теорию... Подготовить презентацию? Когда это все делать?

– Здесь все намного проще, – усмехнулся горько Залибванг. – Им просто нужна идея. Хоть какая-то идея, которая может спасти ситуацию. Если таковой не окажется сегодня к четырем часам – пиши пропало. Говорят, Его Святость устал от человечества. От их мелких интрижек. От непослушания, от искажения его слова, от все...

– Выпороть...

– Порки уже не действуют. Ты и сам это прекрасно знаешь... Потому..

– Потому мы должны выдать на гора идею...

– И спасти человечество! – помпезно произнес Залибванг. – Есть идеи?

– Классика?! Да? – перешептывались Алавур и Залибванг, стоя у стены в зале заседаний.
– Конечно! – соглашался второй.

По их опыту креативные идеи, взрывающие атмосферу их отдела на долгие часы, как правило, не были поняты «косноязычными и нетрезво мыслящими» (цитата) субъектами в креслах из человеческой кожи. Убедить в том, что сексуальная революция будет иметь свои плоды спустя несколько столетий, а не сейчас, как того требовали, или объяснить причину ряда неудач с проектами реакционного национализма, им попросту никогда не удавалось. Потому всегда «рулила» излюбленная классика – давно проверенные и всем понятные шаблоны, с каждым разом дававшие все больше и больше осечек, но от того не перестававшие в головах ответственных лиц служить эталоном добросовестной и качественной идеи.

– Да ты сегодня просто красавчик! – ущипнула за ягодицу Залибванга Жарин. – Я уж подумываю, не вернуться ли к тебе?! – подмигнула она, прищурив свои огненные глаза. И покачивая упругими ягодицами, обтянутыми тоненькой юбкой из новомодного материала, привезенного с Земли, удалилась в сторону собравшейся группы «сильных мира сего».

Залибванг тяжело сглотнул. Его бросило в жар. Воспоминание о прошлом, о жарких ночах и днях ревностных терзаний вновь напомнили о себе. «Что не говори, а чертовки куда привлекательней нимбоносных!» – отметил он про себя, понимая, что реагирует сексуально, что ни в коей мере не подобало представителю его вида, вида нимбоносных. «Но что делать?! – успокаивал он себя. – Работая над человеческим материалом, создавая для них программы, которые должны привести к вполне определённым результатам, волей или неволей, но обязан погружаться в их мир, приобщаться к социуму и пропускать через себя все установки, руководствуясь которыми люди принимают решения». Это объяснение их уже ни раз выручало, когда подымался вопрос об асоциальном поведении, разборы пьяных загулов, общения с бесовским отродием и запросы на тестовое общение с душами только что преставившихся. Его Святость не то чтобы покрывал их, нет, он был недоволен, должно быть, даже более чем кто либо, но пока был результат и пока было на то волеизъявление Его Святости, им все шло с рук.

– Не теряй голову! – не менее заворожено проводил взором Жарин и Алавур. Ходили слухи, что и он успел войти в списки её почитателей, но эта тема никогда не подымалась в присутствии Залибванга, отмучавшегося с ней что-то около года.

Отбивая неспешную дробь ухоженных копыт модельной походкой, время от времени подчеркивая своё изящество движением хвоста с пушистой кисточкой на конце, она подошла к компании общавшихся демонов и нимбоносных, незаметно провела рукой по спине одного из них и практически сразу же вступила в общение.

– Хорошо, пускай будет классика! – не отрывая от неё взора, пробубнил Залибванг, хотя ему так и горело предложить свой вариант, который обязательно был бы отвергнут. Это он знал. Прекрасно знал, но нечто внутри не давало покоя, требовало сделать нечто в знак протеста.

– Вот и прекрасно! – похлопал того по плечу Алавур. Их местоположение в стороне, вне группы сильных мира сего, вполне было объяснимо. Как младшие специалисты, они не обладали теми регалиями, что и члены Совета. Но в силу своего положения и особого отношения Его Святости к отделу креатива, они выступали на Совете в качестве советников и главных разработчиков. Двойственность своего положения они прекрасно понимали, и эта двойственность сказывалась и на отношении членов Совета, вынужденных делить одно помещение с условно-допущенными. Отчего отношение к креативщикам здесь было не то чтобы прохладным, но уж достаточно натянутым. Элита не желала видеть в своих рядах кого-то, кто... Но их вынуждали. И свое скрытое раздражение этим фактом члены Совета, естественно, выплескивали в мелких пакостях в адрес именно креативщиков.

Помещение в одном из самых высоких зданий, находящееся в стеклянном пентхаусе, откуда открывался прекрасный вид на окружающий его Рай, на горизонте закрываемый клу-

бами дыма, источаемые лежащим дальше и ниже пресловутым Адом, заполнилось присутствием Его Святости. Ни кто не мог похвастаться, что когда либо воочию видел Его Святость, но присутствие того ощущалось сразу же. Мгновенно добродетельное и прощающее присутствие вызвало трепет в каждом и все присутствующие, бросив сразу же свои дела и заботы, поспешили занять места за общим овальным столом. Гневить Его Святость было себе дороже, так как критерии оценки и логики Всевышнего коренным образом отличались от любой известной и были зачастую просто непостижимы.

– Предлагаю начать, – предложил Его Святость. Естественно ни кто из присутствующих не услышал ни единого звука, слова родились в их мозгу. Это было одной их тех причин, за которые члены Совета недолюбливали Залибванга и Алавура – при общем присутствии Его Святость имел возможность обращаться избирательно, к тем, кого считал компетентным в том или ином вопросе, не ставя в известность остальных. Естественно, каждый сразу же начинал подозревать худшее и ощущать себя ущемленным. Злиться и упрекать Его Святость не имело смысла – так прямоком и вылететь из Совета имелись все шансы, а вот вернуть свою обиду креативщикам – это всегда пожалуйста.

– Повод нашей встречи ни для кого не секрет. Но чтобы мы все понимали о чем пойдет речь и ни у кого не возникло сомнения в необходимости принятия радикальных мер, прошу начальника отдела аналитики зачитать краткий доклад о состоянии дел на Земле и уровне управляемости происходящими процессами. – молвил Его Святость.

– Добрый день, уважаемые коллеги! – поднялся Цифирон, худощавый святоша, погруженный в себя и в свои вычисления, которые так и грозили вырваться из-за пары старомодных стекол, местившихся у него на носу. – Проведенный анализ нашим отделом предполагал сбор информации как в полевых условиях, так и путем опроса преставившихся на небеса...

– Спасибо за описание методики, – прервал Его Святость. – Прошу зачитать выводы.

– Да, конечно, – поперхнулся Цифирон. Его нимб сразу же стал красным от волнения. Аналитики, как и ещё несколько подразделений, сплошняком состояли из нимбоносным, ибо доверия к коварным бесам у Его Светлости было не много. Не то чтобы он им не доверял, – они были спецами в своем деле, нимбоносные в своем. Всем свое место и свои задачи.

– Интегральные показатели Человеческой добродетели и Лояльности поклонения уже давно не поднимаются выше красного уровня, что свидетельствует...

– У Вас некорректные методики оценки! – возразил тучный демон, уже как сотню лет курирующий направление альтернативных религий и идеологий. Будучи воином в прошлом и по призванию, стараниями того, чье имя не упоминается, стал администратором, но своей воинской хватки и присущего демонам вероломства не утратил. Креативщики, разработавшие за последние сто лет ни одну религию и с десяток идеологий, результаты, к которым привело их внедрение в человеческие массы, видели исключительно в особенностях куратора и применяемых им методах. Куратор же все нападки в свой адрес отвергал напрочь, будучи демоном авторитарным и не терпящим возражений, он все списывал на человеческий материал, на ошибки, заложенные при разработке и планировании, а так же на козни иных отделов. Он вполне уверенно заявлял каждый раз, что его ошибок здесь нет, быть не может, и все является происками его врагов.

– Методики разработаны и опробованы уже на протяжении тысячелетий, – парировал Цифирон, не отрываясь от листа бумаги. – Напряженность за последние несколько лет выросла в полтора раза, вероятность полномасштабной войны приблизилась к отметке в семьдесят пять процентов, уровень религиозности и набожности упал до двадцати пяти процентов. Подавляющее большинство верующих приходится на традиционные религии племен, пребывающих в состоянии каменного века, удаленных от очагов цивилизации. В разрез е же цивилизационных групп, уровень набожности и готовности жертвовать собой ради Его Святости снижа-

ется год ото дня... Коэффициент корреляции между развитием существующих цивилизаций и падением веры равен девяносто восемь процентам...

– Это все хорошо, – прервал один из бесов, ни слова не понявший из сказанного. – Что из этого следует?

– Все предельно просто! – ответил ему нимбоносный Симон. – Мир катится ко всем чертям! – шутка понравилась присутствующим и если бы не присутствие Его Святости, как всегда безэмоционального, то смех бы залил помещение.

– Это понятно, – присутствие здесь Гидивула, куратора сразу с полсотни проектов, в которых он понимал не более, чем в человеческих душах, объяснялось квотой того, чье имя не упоминается. Полная некомпетентность Гидивула в каких бы то ни было вопросах в полной мере компенсировалась его агрессивной натурой и абсолютной лояльностью тому, чье имя не упоминается. – Кто виноват? И что делать? – высокомерно бросил он.

– Ситуация зашла в тупик, – тем временем продолжал очкарик-Цифирон. – Все последние наши мероприятия носили больше косметический характер и их эффективность ниже любой критики, – взоры присутствующих сразу же устремились в сторону креативщиков, вжавшихся в кресла.

– Я бы не стал так критично относиться к работе креативного бюро, – вступился за них Моргул, куратор их проектов и теперь новый муж Жарин. – Парни не раз выручали нас, выдавая на гора идеи, менявшие мир и духовность в значительной мере... Думаю, у них и сейчас припасено нечто... Ведь это так же, Залибванг? Я прав, Алакур?

– Я вынужден настаивать на том, – встал Гидивул. – Что мы зашли в тупик и все попытки решить эту проблему как-то иначе, чем полной очисткой приведет только к продолжению агонии. – речь была столь не похожа на то, как излагал свои мысли косноязычный Гидивул, что у большинства присутствующих стали круглыми глаза и даже отвисли рты. Залибванг всем своим нутром ощутил, что говорит сейчас не глупый и продажный демон, а Сам, чье имя... Преображение Гидивула было столь значительным, что даже Его Святость напрягся, пристально рассматривая оратора, выискивая знакомые ему черты.

– Любое промедление – смерти подобно, – меж тем продолжал демон. – Я настаиваю на перезагрузке, очистке Земли от цивилизации, ввержение человечества в первобытный хаос и уже на основе этого построение нового общества, в котором будут отсутствовать те самые пороки о которых...

– До боли знакомые мыли! – наконец подал голос Его Святость и все присутствующие напряглись. В помещении запахло озоном и жареным – Я думаю, следующим предложением будет изменение структуры существующих институтов, допуск к управлению значительного числа демонов и разделение власти с сами знаете с кем?!

– Я о другом! – ссутулился Гидивул, потрясая головой. Присутствие силы, контролировавшей его до того исчезло и он не понимал отчего взоры присутствующих здесь устремлены в его сторону и выражают нечто недоброе.

Сверкнула молния, зал заполнил грохот грома и пышная шевелюра Гильдивула превратилась в оплавленный клок пакли.

– Я, я... – не понимал он. – Я же только... – опустил он на место, даже не притрагиваясь к испускающим тонкие клубящиеся струйки дыма волосам.

– Впредь подобное будет пресекаться исключением из Совета и изгнанием провинившегося на Землю! – пояснил справедливый громовержец, не объясняя, как-то водится, мотивацию своего поступка. Быть одержимым пред Его Очами случалось и ранее, но угроза ссылки на Землю, к людям, в их богом забытый мир, к грязи, к борьбе за существование, к копошащимся в бесполезных телодвижениях людишкам... Такое могло напугать кого угодно. И раз уж то было угрозой Его Святости, то ни обсуждению, ни обжалованию не подлежало.

– Предлагаю закончить с разбором ситуации, – поспешил сменить направление заседания Моргул. – И без того понятно, что мы в тупике. Налицо выход человечества из-под контроля Его Святости и, как следствие, упадок нравственности, гордыня, нарушение всех заповедей, норм и приличий, поэтому есть два мнения – провести очистку, как последний способ решения проблемы, либо прибегнуть к более тонкому и оперативному вмешательству, о котором нам сейчас поведают наши специалисты из креативного отдела. Как Вы помните, именно им принадлежат сотни идей, позволившие поднять человечество до уровня, которого оно в предыдущие разы ещё не достигало. Не позволим же мы трудам наших тысячелетий вот так просто кануть в преисподнюю?! Я предлагаю использовать нечто альтернативное и эффективное, что, как меня заверили Алавур и Залибванг, имеется в их арсенале. Прошу предоставить им слово.

Красноречие – конек Моргула, благодаря которому он и поднялся столь высоко. Благодаря которому он так легко привязал к себе Жарин, благодаря которому он так же легко ввел её в Совет и благодаря которому Залибванг и Алавур не раз выходили сухими из липких и грязных переделок. Но, увы, на сей раз у них чего-то действенного в арсенале не было, поэтому взял слово Залибванг:

– Уважаемые члены Совета, поклонение Его Святости, – прокашлялся Залибванг. Жарин одарила его горящим взглядом своих огненных глаз, облизала раздвоенным языком губы и подала вперед пышную грудь, проделав все это столь естественно и незаметно для окружающих, что Залибванг покраснел. Жарин, несмотря на то, что они давно расстались, порой заскакивала к нему, как, впрочем, и к десятку-двум иным. Ничего не поделаешь – женская бесовская натура. И если дело выгорит, то планы на предстоящую ночь и утро завтрашнего дня вполне определены у Залибванга.

– Ситуация, безусловно, критическая, – боролся он с краснотой и тяжелым дыханием. – Я немного волнуюсь, потому что использование чего-то нового, креативного и доселе неопробованного может и даст необходимый результат, но, скорее всего, будет иметь непредсказуемые далеко идущие последствия. – он потянулся к стакану воды и стакан сам, подчиняясь воле Его Святости, прыгнул Залибвангу в руку. Присутствующие переглянулись. Это была честь, которой удостаивались не многие. Расклад сил явно менялся и каждый расценивал о своем месте и действиях на ближайшее будущее.

Жарин, почувствовав перемены, повторила свои соблазняющие манипуляции, что было сразу же отмечено большинством присутствующим, за исключением разве что Моргула.

– Я предлагаю прибегнуть к классической, многократно проверенной многоходовой активности, – все внимание было приковано к Залибвангу, отчего тот смутился ещё более. – Культурное потрясение и уход цивилизации на несколько шагов, быть может даже десятков шагов, назад. К состоянию, в котором мы могли бы изменить вектор развития! – закончил он.

– Это примерно так же, как было с Римской империей и темными веками в Европе? – поинтересовался аналитик.

– Что-то похожее, -кивнул Залибванг, ловя волну. – Примерно то же, что было с Китайским миром, с Древними цивилизациями Нила, Южной и Центральной Америк. – насчет Америк это он зря ляпнул, так как там как раз все и не случилось, приведя к уничтожению цивилизаций как таковых. Но на то они и креативщики, друзья пиарщиков, находящихся примерно в таком же состоянии «обожания» со стороны совета, чтобы неудачу преподнести как свой грандиозный успех. К слову, с чем многие были не согласны.

– Да ну! – возразил Гидивул. – Это уже было! – махнул он рукой, ища союзников. – Все это уже было. Только оттягиваем развязку.

– Да Вам бы, бесам, стереть человечество с лица Земли и остаться едиными любимыми творениями Его Святости, – парировал на это Моргул, и сам недовольный предложением, но коли сам Его Святость подал до того стакан воды креативщику, то пойти против них он не посмел.

Сам же Его Святость оторопел. Он ожидал чего угодно, но не старой истории с падением Римской империи, миллионах жизней, расцветом нескольких из самых одиозных религий, припасенных до того на чёрный день, веках темноты и убийств его именем... Но все же смолчал, выжидая продолжения.

– Суть проекта состоит в том, – продолжил Залибванг. – Дабы на планетарном уровне устроить социальный взрыв. И мы это сделаем, если нам позволят. Мы подыдем весь негатив, вскроем все незажившие раны, объявим пороки добродетелью, вознесем на пьедестал поправление целомудрия и доброты, мотивируем убийства, похоть, чревоугодие, ненависть и прочие смертные грехи. Возвеличим человеческую гордыню и подыдем волну такого масштаба, что захлестнет все устоявшиеся цивилизационные центры, сметет их, покроет налетом грязи и человеческих испражнений. И только после этого, после того как человечество откатится на несколько столетий назад, только после этого, мы запустим процессы обратные. На возникшем навозе произрастут ростки того, что приведет следующие цивилизации к благоденствию и почитанию Его Святости как того, кто позволил им стать таковыми. – закончил речь креативщик.

В зале повисло молчание.

– А в чем различие между этим и тотальной зачисткой? – поинтересовался куратор силовиков, который почуял массу работенки для своих ведомств.

– Многим! —отвечал Залибванг. – Мы не уничтожаем человечество и не стираем память о предыдущей цивилизации. Мы её просто перезапускаем. Ломаем тупиковую ветвь, крушим стены и подпорки, которыми оброс мир сегодня, расчищаем место для нового строительства, но не убиваем в людях память, не истребляем их практически до малой группы, как то часто бывало ранее. Мы сохраняем их цивилизацию, но рушим их мир...

– Или наоборот, – поправил его Алавур.

Если вдуматься, то предложение не было столь радикальным, как его преподнесли. Ничего нового, лишь эффект масштаба – теперь участвовал весь мир, а не отдельные, пускай и значительные территории, в остальном – классика. Но то, как это все преподносилось, чувствовался некий полет мысли, креативность идеи и нечто взывающее к романтизации предприятия.

Его Святость задумался, бесы воспылали, чувствуя открывающие перспективы, нимбоносные напротив, почуяли предстоящую массу работы – им бы зачистить мир и ждать, пока все разовьется вновь, креативщики же вздохнули с неким облегчением, – им удалось выкрутиться. Если предложение отвергнут, то им дадут время для подготовки нового предложения, а там как сложится...

Его Святость выразил определенные сомнения. Он ничего не говорил, но что-то в плане его смущало. Что именно, он не озвучивал, но стоило лишь первым симптомам сомнения появиться, как собравшаяся братия сразу же бросилась с критикой на мероприятие, которое тут же взяли под защиту идеологи и авторы – Алавур с Залибвангом. Им ставили в вину масштабность, на что те отвечали, мол, проблема масштабная и операция должна соответствовать.

Куратор силовиков посетовал, что в прошлый раз он потерял на Земле в психбольницах или от нервных расстройств более полусотни отборных агентов и потому... На что ему возразили, что, с одной стороны, нужно сделать соответствующие выводы о подготовке бойцов, с иной – потери на войне неизбежны.

Говорили об опасности выхода из-под контроля ситуации, что было парировано тем, что запустить чистку можно в любой момент, но попытаться спасти ситуацию – первоочередная задача.

– Меня в целом устраивает предложение, спустя с пару десятков возражений, наконец вмешался Его Святость, и все возражения сразу же исчезли. – Как Вы видите механизм реализации.

А вот с механизмом как-то вышло неудачно. Сама идея, как отметил Его Святость, – неплохая идея, но реализация... Собственно, реализация всех «неплохих идей» как-то последние пару тысяч лет страдала.

– Мы тут думали, что может... – тянул время Залибванг в надежде, что решение само придёт. И оно пришло, правда не оттуда, откуда его ждали, и не то, которым хотелось бы хвататься:

– Мы запустим святых! – взял инициативу Алавур.

– Святые – это уже пройденный этап, – вполне резонно заметил Цифирон. – Их эффективность... – он принялся сыпать цифрами, которые ни кто оспаривать и не собирался, как, впрочем, и слушать тоже. Использование святых в мире, где в них уже ни кто не верил – было давно признано неэффективным.

– Это нечто новое! – горел нимб Алавура. – Выслушайте, а потом решайте.

– Давайте дадим слово, – предложил Его Святость и все сразу же не просто замолчали, а заткнулись и даже ерзать перестали.

– Мы запустим не одного Святого, или Пророка – это к обсуждению, а сразу двух! – он смолк, ожидая реакции, но так как реакция произведена не была, то пришлось продолжить. – Сразу два пророка. И оба не крайности, как мы до того делали. Ни каких добрый-злой. Ни каких святой-порочный. Она в себе будут включать и святость и порок, и доброту и жестокость, ибо люди многолики и запрос как на доброту, так и на жестокость зачастую ютятся в одной черепной коробке. Два воина-пророка, консолидирующие людей вокруг себя, настроенные и не враждебно, и не дружественно меж собой, периодами сталкивающиеся, периодами действующие заодно – этакая мешанина человеческих низменных чувств, которые они и призваны возглавить, поднять волну и оседлать её...

– Но как они это будут делать? – не выдержал Его Святость.

– А мы их не станем ограничивать, – пояснил Алавур. – Мы дадим им право выбирать, право грешить и не быть ограниченными заповедями и инструкциями – полная свобода. Все неудачи наших Пророков и Святых в том и кроются, что они были ограничены творить зло! – резюмировал он.

– Надо же, – задумался Его Святость. – Я как-то не задумывался... – он вновь смолк. – С иной стороны, я готов был бы услышать нечто подобное от демонов или одержимого проклятым Гидивула, но такой подход от креативного отдела нимбоносных! – он был удивлен и смущен.

– Мы даже появление проработали, – продолжил сочинять на ходу Алавур. – Большое скопление людей, скажем, некие протестные выступления, и вот, в ответственный момент, столб огня с неба и в этом столбе спускается наш Пророк, несущий весть о том, что мир прогнил. Что Бог недоволен людьми, недоволен, что небольшая часть узурпировала мирские богатства и не дает развиваться остальной части. Именно поэтому он послал своего избранного бойца... Но узнав о том же тот, чьё имя не произносят, послал и своего демона. Он будет похож на первого, говорить тоже, и даже делать то же самое, но он зло... Таким образом мы расколем протестующих и создадим управляемый хаос в их среде...

– Интересно, интересно, – все не принимал решения Его Святость. Мне нужно посоветоваться с моими консультантами... – и Его Святость перешел к общению с Советом, исключив из него приглашенных экспертов, практически выставив тех из беседы. Алавур выдохнул – такого экспромта он от себя не ждал и встретился с негодующим взглядом коллеги. Идея с двумя пророками тому очень не нравилась, ибо сулила неуправляемость ситуацией и массу головной боли с администрированием активности.

Совещание с Советом длилось до получаса. При этом ни слова, ни звука не долетело до ушей спецов, в число которых почему-то попал и аналитик. Он все это время сидел

навытяжку и со стеклянными глазами взирал куда-то в сторону адского дыма, клубившегося на горизонте видимости.

– Мы закончили совещание, – наконец вернулись к ним Его Святость и Совет. Решение явно было принято, но вот то, с какой радостью потирают руки и лапы здесь присутствующие, как алчно взирают на креативщиков демоны и с какой ехидинкой в уголке рта бросают косые взоры нимбоносные, Залибвангу стало как-то не по себе.

– Мы принимаем это решение как базовое, – продолжил выносить вердикт Его Святость. – Он вступает в силу с настоящей минуты, – чеканил пункты он, которые тут же ложились в протокол как непреложная истина и указание к исполнению. – На сборы у Вас десять минут. – закончил Его Святость.

– Какие сборы? – не понял Алавур.

– Что? – переспросил Залибванг.

– Я в тебя верю, дорогой! – прошептала ему Жарин. – Выкатив вперед свою шикарную грудь. – Возвращайтесь героями!

– Но мы же идеологи... – кричал Залибванг, в душе проклиная Алавура с его двумя Пророками. – Мы не солдаты! Каждый должен делать свое дело... – их уже несло по коридорам реальности, по ходу экипируя и давая инструкции к выживанию.

– Вам будет оказано всемерное содействие! – услышали они удаляющийся голос Его Святости.

– Я так же буду вечно рядом! – прошипел тот, чье имя не произносят вслух. – Нас ждут прекрасные времена!!! – добавил он.

– Да уж, точно прекрасные! – мелькнуло в голове Зелибванга, он уже видел тот самый огненный столб, совсем недавно ударивший с небес в грешную Землю. И его несло к нему.

Из Цикла – «Трудовые будни. Обычные люди»

Трудовые будни. Обычные «люди»

1.

«Претворяя в жизнь решения съезда партии, Постановления Политбюро и пожелания трудящихся, расширяя ареал обитания человеческой цивилизации, повышая культурный уровень и оптимизируя потребление, герои Сверхновой эпохи вносят свой неоценимый вклад в дело строительства ещё одного поселения в пределах Солнечной системы. Самоотверженный труд и самопожертвование двух с половиной десятков советских людей, советских не формально, а по духу, борющихся с космическим холодом, смертельными излучениями и недостаточной гравитацией, с каждой секундой приближает нас к тому моменту, когда первый поселенец ступит на...» – легкое касание ионной консоли и поток высокопарной пропаганды прервался.

Со стороны Сергея Петровича это было непростительно, возглавляя проект по возведению новейшего «Колодца» на одном из беспокойных спутников газового гиганта, он просто обязан был следить за дисциплиной и моральным обликом подчиненных, тех самых двух с половиной десятков советских людей... Но как-то с самого начала все не заладилось... Сначала проект оказался неприменим к местным условиям и его силами нескольких сотен научных групп в спешном порядке адаптировали. По окончании адаптации вдруг вскрылось, что имеющаяся в наличии техника, привезенная невероятных размеров грузовозом, не вполне отвечает требованиям строительства. Но, во-первых, грузовоз все также висел на орбите газового гиганта, и гнать его в две стороны было экономически нецелесообразно, а, во-вторых, при определенной сноровке и подналадке, пускай и с потерями, с излишними трудозатратами и срывом всех сроков, выполнить проект было признано возможным... Все поаплодировали, в очередной раз восхитились мощью и способностью научных групп, формируемых из ведущих специалистов в своих областях, решать оперативно и качественно возникающие проблемы, пожали руки, пообнимались, да и спустили разрядку на продолжение выполнения работ.

И все бы ничего, если бы при изменении проекта в новый план не закрался человеческий фактор, поставивший все с ног на голову. Проходя цепь согласований и правок, ни кто из «подписантов» не обратил внимание на то, что секретарь, вносившая изменения в первоначальную версию проекта во втором часу ночи по невнимательности оставила без изменений сроки исполнения этапов. После всех согласований, конечно же, ошибка всплыла, но ни кто не пожелал брать на себя ответственность за явный промах и потому коллективная ответственность, когда отвечают все, но конкретно – ни кто, все проблемы свалила на плечи Петровича.

Петрович сразу же поставил в известность своего куратора, но тот и слушать отказался, мол, бумага подписана, разумные люди составляли, какую цифру обосновали – выполняй и не сей панику, а то ведь и за Плутон запихнута могут, там как раз станцию внешнего слежения возводят...

И как водится, что начинается плохо, оканчивается ещё хуже... Петрович не считал себя плохим руководителем, все же, как ни как, а степень управленца 3-й категории, за плечами огромный опыт, только вот ранее он планетарные станции не возводил – не приходилось, а в остальном – достаточно успешный руководитель... И только благодаря его умениям ладить с людьми, организовывать их труд, быт и досуг, управлять процессом и решать проблемы, станция продолжала строиться, несмотря даже на перебор расходов и срыв сроков.

Нагнать сроки, даже привлекая дополнительные ресурсы, которые катастрофически таяли, он был не способен, о чем периодически докладывал своему куратору, Григорию Петровичу, и на что получал один ответ – «Любой ценой!» и «Не сей панику...»

– Сергей Петрович, вас по внешнему. – раздался девичий голос коммуникатора и сразу же запустил связь.

– Добрый день, Сергей Петрович. – куратор был сегодня суров и обращался по имени и отчеству.

– Доброго дня и Вам, Григорий Петрович.

– Доложите о выполнении намеченных мероприятий...

Картинка поплыла, очередной всплеск солнечной активности где-то по пути возмутил эгрегосферу, но голосовая составляющая осталась неизменной.

– Отставание от плана увеличилось...

– Что значит, увеличилось? – взорвался Григорий Петрович. – Вам выделены колоссальные средства. Вам поручено выполнение ответственного проекта, и если на каком-то этапе по непредвиденным обстоятельствам Вами было допущено отставание, то к настоящему времени оно давно уже должно быть устранено. И ни как иначе. А сегодняшнее Ваше заявление о каком-то отставании от сроков, и, тем более, о его росте, мною расценивается как саботаж! Предлагаю ещё раз пересмотреть свою позицию и правильно расставить приоритеты. Буду ждать адекватного ответа завтра... – экран погас, связь прервалась.

Ещё каких-то пять-шесть лет назад связь с Землей была настолько затруднена, что отправка к пределам Солнечной системы считалась чем-то вроде благословения – подальше от начальства... Но все кардинально изменилось после того, как был совершен прорыв в изучении эгрегосферы – некоего малоизученного информационного пространства – и теперь от всевидящего глаза земного куратора было ни где не скрыться...

Петрович в очередной раз выругался в пустой экран и уже собирался было уточнить, как там обстоят дела с починкой вышедшей вчера из строя бурильной установкой, как на экране, одной строкой, без подписи, в приватном оформлении, появилось сообщение: «Сделай что-нибудь! Дела совсем плохи».

Это был куратор и Петрович прекрасно понимал, что официальная часть – это официальная часть и он был просто обязан так с ним разговаривать, а по-человечески куратор его предупредил о надвигающихся проблемах...

«Да что ж там с этим буром?!» – сердцах рявкнул в пустоту Петрович и соединился с проходческим сектором.

2.

В проходческом царилась деятельность. Александр Сергеевич и Валерий Сидорович, сжигая бесценную энергию плазменных батарей, гоняли по помещению двух ремонтных роботов. Как водится у ремонтников, хорош тот ремонтник, который спит на рабочем месте, потому что все его оборудование в исправности.

Буровая машина, прозванная персоналом «экскаватор», наткнувшись на слой породы, для которого не проектировалась, вдруг дала задний ход и сама же себя и смяла. Страшного в том ни Алик – Александр Сергеевич, ни Валерик – Валерий Сидорович, не видели и всецело полагались на ремонтных роботов, стаяй облепивших громадных размеров экскаватор и до полуночи должны были привести его в порядок. Но вот что делать с пластом породы, вызвавшим сбой программы, они пока что не решили и сейчас занимались поиском, освободив свой разум от всего лишнего, отдавшись низменным чувствам азарта и первенства...

– Что с буровой? – вдруг раздалось у них за спиной. Оба оказались не готовы и сразу же вскочили, побросав пульта управления роботами на пол.

– Я повторяю: что с буровой? – ровно перед ними висел всплывающий экран и их буровил взглядом шеф. Шеф был не доволен – тут сомнений быть не могло.

– Мы же докладывали... – попытался привести себя в порядок Алик, одергивая рабочую куртку.

– Пласт неизвестных свойств на глубине в пятнадцать двадцать два. Выход из строя силовой установки и центрального провода... – добавил Валерик.

– Выгорела вся е-стабильная логика и машина едва не рухнула вниз... – вспомнил Алик.

– Это все? – уничтожающе взглянул на них с экрана шеф.

– На настоящий момент все.

– Ожидаем ещё чего-то? – саркастически улыбнулся шеф, но Алик и Валерик были чистейшими технарями и потому в какой-то мере наивными что касается политики и человеческих отношений, потому сарказм ими остался не понят и они только удивленно развели руками.

– Сроки? – отрубил шеф.

– К полуночи...

– Скорее всего...

– Как к полуночи? – не выдержал шеф. – Что значит, скорее всего? – тут уж его было не остановить. Что касается умения внушать людям правильные ценности и давать нужные установки, ему равных не было, в чем ни раз приходится убеждаться его подчиненным.

– Вы, оба, советские люди! Советские люди не для галочки, а по убеждениям! Вам народ и партия доверили ответственное дело – построить первое, – Вы только вдумайтесь: Первое, – и он многозначительно поднял вверх указательный палец, – полноценное поселение на другом космическом теле! Это огромная честь

И ответственность. Вас отбирали сюда по самым строгим критериям и что мы имеем теперь?! А мы имеем: провал операции, – Петрович принялся загибать пальцы. – второе, трата средств, и, третье, самое главное – потеря доверия. Как вы после всего этого своим товарищам в глаза смотреть будете?! Я вас спрашиваю?

Оба ремонтника потупили взоры, ощущая, что где-то допустили просчеты, ошибки, а то и халатность, но не совсем осознавая где и в чем.

– Так что, уважаемые, починим мы бур к обеду? Запустим процесс проходки к трем часам? Или первым же рейсом назад, на Землю, с позором? С выговором и лишением!!!

– Не успеем... – буркнул Алик.

– Извините, не расслышал? – уставился на него Петрович.

– Сделаем все, что в наших силах! – выступил вперед более опытный Валерик.

– И перевыполним! – невпопад добавил Алик.

– Вот и прекрасно. – улыбнулся Петрович. – Тогда к полудню я вывожу проходчиков, нечего им время терять...

Понятие времени здесь, на спутнике газового гиганта, было относительным. Здесь не всходило и не садилось Солнце, так, как это бывало на Земле, но и потому все хоть и подчинялись 24-часовому режиму, но все едино – понятия утро и вечер были относительны.

Петрович исчез, оставив ремонтников один на один с их обязательством. А внизу, под облепленным экскаватором, зияла дыра нескольких сот метров в диаметре и полутора километров в глубь. По проекту его глубина должна была достигнуть трех с небольшим километров, быть заполнена пространством города, а во всех горизонтальных направлениях планировались корневые ответвления... Проект сам по себе был грандиозным новаторством, но вот реализация его, увы, подкачала.

– Так как, пятилетку в четыре года, в три смены, двумя руками за одну зарплату? – фыркнул недовольный Алик.

– Ничего, – махнулся Валерик. – Нам бы силовую до обеда починить, а остальное в процессе... Производительность, конечно, упадет, и в сроках потеряют до пяти часов, но раз начальство хочет скорого запуска, поможем ему...

– Эх. – махнул рукой Алик, берясь за перенастройку режима ремонтных работ. И только он коснулся кнопки «стоп», как все копошащиеся роботы застыли в одно мгновение, а пара даже рухнула на пол, рассыпая свои инструменты и принесенные запчасти.

– Сколько тебе потребуется времени на переналадку? – поинтересовался Валерик.

– Не много. От силы, минут десять...

– Это хорошо, – направлял Валерик вспомогательных роботов на сбор рассыпавшегося. – До обеда у нас будет три часа... А ты перенастраивать киборгов обучен?

– А то как же? – с чувством обиды отозвался Алик. – Одна из основных специализаций. А тебе зачем?

– Да так. Потом скажу. Ты перенастраивай... Три часа останется... Мы на пищеблок, к Зинке заскочим на это время.

– Хорошо... – погрузившись в процесс, буркнул Алик.

3.

Зинаид на станции отвечала за пищеблок, склад униформы и склад личных вещей. Учитывая уровень автоматизации, без Зинаиды на станции можно было легко обойтись, но согласно Штатному расписанию и Расстановочной численности, эта должность полагалась и, естественно, была заполнена.

Зине было всего-то около тридцати. Крупная уже не девушка, но пока что и не женщина, так и застрявшая в переходном возрасте, она представляла собой симбиоз высокообразованного человека, окончившего профильный вуз, и яркого представителя деревенской культуры, с обязательными «руки в боки» и «кто мне тут смеет перечить?!»

Сказать, что от Зинаиды уж совсем не было никакого прока, было бы погрешить против истины. Зина обеспечивала всех питанием, следила за исправностью униформы, заставляла вовремя сдавать её в чистку и создавала иные элементы «имитации бурной деятельности». Работники к Зинаиде относились с легкой улыбкой, но признавали её значимость в преимущественно мужском коллективе, вот уже который месяц «запертом» на спутнике газового гиганта.

Зинаида явно не отдавала ни кому предпочтения, даже демонстративно отшивала всех ухажеров, но как-то так складывалось, что слухами и сплетнями о её жизни вне своих функциональных обязанностей, изобиловали пикантными подробностями.

Зинаида Петровна занималась тем, что неистово перепрограммировала автомат приготовления пищи. Автомат сводил её с ума. Единожды настроенный на оптимальный рацион для работников профессий, занятых в строительный работах в космическом пространстве, он напрочь отказывался уменьшать дозировки и урезать порции. Зинаида знала, что там, на Земле, давно научились обходить все эти «псевдонаучные» рецептуры и извечное благоденствие работников торговли и общепита вновь вошло в свою колею.

– Зиночка, дорогая... – раздалось у неё за спиной. – Нам бы ветоши... руки нечем вытирать...

За спиной, казалось из ниоткуда, вырос Валерик – один из тех самых ремонтников, по чьей вине они уже откладывали свое возвращение несколько раз.

– Не положено! – отрезала Зинаида и вновь вернулась к своему злосчастному автомату.

– Зин, взгляни... У тебя же должны быть какие-то тряпки. Старую униформу давно же уже списали...

– Что я тут непонятного сказала?! – во весь фронт совей мощной груди развернулась Зинаида. – Говорят же тебе – не положено! Если я всем тут начну униформу на тряпки раздавать, то что же это будет? Убирайся отсюда! – и властным взмахом руки указала на дверь.

– Эх, Зина, Зина... – махнул рукой на неё Валерик и уже повернулся уходить.

– Что, Зина? – с присущим её колоритом, во весь голос, с надрывом, аккомпанируя себе частыми взмахами руками, взорвалась Зинаида. – Ходят тут всякие, попрошайничают, а сами буровую в который раз загубили, теперь сиди по вашей милости здесь. Вот ещё пару раз сорвете план и ходить уже не в чем будет, в своих обносках прятаться от начальства будете. Нашёлся кто учить меня будет, как свою работу делать! Иди отсюда! Чтобы я тебя и не видела!! Понабирают интеллигентов доморощенных да криворуких. Вон мой брат меньший, так тот колхозную ирригационную систему, – слово ирригационная Зинаида произнесла с таким надрывом, что Валерику стало как-то не по себе, – на спор разобрал, а потом собрал... Балбес, конечно, за что и пострадал, но зато руки золотые и голова на месте, не то, что эти...

Зинаида вошла в раж и из прошлого опыта Валерик знал, что могла бы она не останавливаясь, продолжать ещё долго, если бы не...

4.

– Ну что ты там копаешься? – шептал Валерик, подгоняя Алика. – Неужто сложнее, чем работа перенастроить.

– Не торопи. – колдовал над консолью Алик. – Нам же её потом обратно, в кричащую дуру, преобразовать понадобится, нужно сохранить старые настройки.

– А... – согласился Валерик. – Давай, работай, а я пока что за дверью покараулю.

Не было ни щелчка, ни вспышки, да ничего не выло, но в на самом «влете темперамента» Зинаида вдруг застыла, а потом и обмякла. Её фигуристые тела так бы и рухнули по плиты пищеблока, да вовремя подоспевший Валерик подхватил и с немалым трудом оттащил Зинаиду в сторону, примостив ту на подвернувшийся стульчик.

– Ну где же ты ходишь? – с упреком бросил он Алику, уже принявшемуся менять Зинкины настройки на всплывающей консоли.

– Да Петрович делами интересовался... Лично прибежал...

– А! Понял. – махнул рукой. – Ну что, ты его спровадил?

– Да... Не мешай.

Перенастройка киборга дело отнюдь не простое, как то может показаться простому обывателю, привыкшему иметь дело с отлаженными и одобренными примитивными пакетами функций. Функции, как правило, уже были «вшиты» в пустые головы «вспомогательного персонала» и управление ими напоминало озорство обезьянки, распахивающей кубики да шарики в соответствующие отверстия. То же, чем сейчас занимался Алик, было сродни тонкой работы нейрохирургов, принимающих решение во время сложнейшей операции о том, какие цепи нейронов задействовать, какие блокировать, а какие и вовсе удалить или заменить искусственными. Перенастройка киборга для удовлетворения вполне определенных желаний, с настройкой темперамента и моторных функций – совсем немного, что с проворством студента-заучки за какие-то десять-пятнадцать минут совершил Алик.

И вновь не было ни щелчка, ни вспышки, ничего не было, но Зинаиду, как подменили.

– О! Мальчишки... – простионала она так, как казалось Алику, должны говорить дамы подобного рода.

– Зина! Дорогая! – вернулся Валерик.

– Дорогие мои. – с неопикуемой грацией, перебросив ногу на ногу, обнажив бедро до самого верха, протянула свои руки к ним Зинаида. – Будем втроем? Или у вас там за дверью ещё друзья?!

– Только же ты потом её назад перенастрой. – шепнул Валерик, приближаясь и предвкушая обладание этими пышными формами.

– О чем вопрос! – подмигнул ему Алик. – Ты как закончишь, скажи... – и собрался уходить.

– А ты куда? – удивился Валерик.

– За ходом ремонта присматривать... Не хочу, чтобы силовая окончательно полетела...

– Ну смотри. Как знаешь. – хмыкнул ему в след Валерик и добавил, уже раскрасневшейся Зинаиде. – Только мы вдвоем.

– Жаль. – ответила та так же томно. – А я хотела его попросить потом перенастроить пищевой автомат...

5.

Куратор космических проектов, хоть и находился все время на Земле, но благодаря системам связи и контроля имел возможность поддерживать контакт и быть в курсе происходящего на всех семи своих объектах. Семь – ни больше, ни меньше. Согласнономам управляемости – именно столькими объектами имеет возможность эффективно управлять один человек. Больше – эффективность падает из-за большого количества объектов, меньше – вновь падает эффективность, но теперь из-за недозагрузки управленца. Так что – семь – обоснованное количество, как, впрочем, и все в жизни Григория Петровича и его соплеменников.

В настоящий момент он был загружен полностью, и если шесть проектов более-менее шли успешно, то седьмой, саамы ответственный, пробуксовывал с самого старта. Григорий Петрович прекрасно понимал, что давить на персонал станции не имеет уже ни какого смысла – как ни крути, а в сроки они не уложатся, оборудование только выведут из строя да сами костыми лягут, потому просматривая выборку происшествий, автоматически формируемую из записей скрытых камер, размещенных чуть ли ни в каждом углу, он откровенно закрывал глаза на все мелкие и средней тяжести нарушения, лишь бы это только как-то помогло сдвинуть проект с мертвой точки.

Выборка происшествий формировалась как ежедневно, на утро следующего дня, так и в оперативном режиме, стоило лишь произойти чему-то из ряда вон выходящему. Григорий Петрович с полным безразличием просмотрел баталии ремонтных роботов, учиненные двумя ремонтниками, закрыл глаза на распитие провезенных контрабандой спиртных напитков, с ухмылкой отметил дикую оргию в пищеблоке с телесной дамой и уж соевом пролистал заметки о краже инструмента с драгметаллами – все одно не удастся вывезти. Увы, как бы не хотел Григорий Петрович отмахнуться от всего увиденного, но инструкция предполагала бдительность и обязательное вмешательство, потому, долго не думая, он принял единственно верное решение, не способное нарушить ход выполнения задания: Зинаиде, фигурировавшей в эпизоде морального разложения впать строгий выговор с занесением в личное дело, провести с ней разъяснительную работу на общем собрании, а ремонтнику в приватной беседе пояснить всю неэтичность его поведения и не мешать работать... С остальным – ни кража, ни алкоголь не должны стать препятствием для свершения трудовых подвигов. Вот закончится все, тогда им и вспомнят...

И только Григорий Петрович уже хотел было озвучить свое незримое присутствие, как так же неожиданно, как и он «появлялся» на станции, вспыхнул всплывающий экран и перед ним.

Вызывающий явно был особистом. Их всегда и везде выдавал лукавый взгляд, излишнее дружелюбие и умение ненавязчиво подавлять волю оппонента.

– Добрый день, Григорий Петрович. – это был некто из новеньких, кого Петрович до того не знал, но тот самый новенький уже общался так, будто только вчера они вдвоем приговорили не одну бутылочку и теперь знали друг о друге столько, что оставалась быть друзьями на всю жизнь.

– Добрый день. – подобрался Григорий Петрович. – Приятно... Чем обязан?

– Да, собственно, ни чем... – улыбнулся лукаво особист. – Так, плановый звончек. Вот, хотел уточнить, как идут дела по Вашим проектам.

– На вверенном не участке... – официально начал Петрович, но его небрежно остановили.

– Ну зачем же так официально?! Мы же не на приеме и не на ковре у шефа. – особист улыбнулся, отчего Григорию Петровичу стало вообще не по себе. – Мне для галочки, просто отметить... Функция содействия... Вы же понимаете.

Григорий Петрович понимал, и функцию содействия, и функцию контроля, о которой ни кто не говорил в слух, а так же он понимал, что ещё не известно, что опасней – просто контроль, или же то самое содействие?!

– В целом, все идёт своим чередом, насколько это возможно в сложных системах... Кое-где, конечно, случаются срывы. Виной тому технические факторы, иной раз и человеческий случается, но как бы то ни было, а героический и самоотверженный труд советских людей на благо отчизны и всего человечества способен решать и не такие проблемы.

– Да уж, проблемы, факторы... – согласился с ним мягко особист. – Понимаю... Сами с людьми работаем. Порой приходится вмешиваться и принимать решения, когда ситуация выходит из-под... начинает выходить из-под контроля. – поправился особист. – Вот недавно слушок прошёл, поделюсь с Вами неофициально, что на одной из внеземных станций проект не то чтобы провален, но на верном пути к тому. Вот и задумались наверху о причинах – проект, вроде бы как, правильный, разработан ответственными людьми, согласован на самом верху, команда отобрана превосходная, программный код у всех исполнителей, как утверждается, идеальный, а проект буксует, сроки срываются, порча оборудования, перерасход средств, да и на самом объекте, поговариваю, алкоголизм, тунейдство и моральное разложение... Вот теперь поди и разберись, где причина неудачи?! Кто ошибся?! К чьей компетенции нужно пристальней присмотреться?!

Григорий Петрович судорожно сглотнул.

– А с иной стороны, – продолжал особист. – Люди устают, засиживаются, теряют связь с реальностью... Устают люди. Берут на себя слишком высокие обязательства... Ну что ж тут поделаешь, наверное стоит от таких избавляться. А вы как думаете, как лучше с такими людьми поступить – чтобы и по человечески, и «заслуги» не забыть? – особист сделал нарочито натянутый акцент на слово заслуги и Григорию Петровичу стало сразу же не по себе.

– Ну так как, Григорий Петрович? – не дождавшись ответа улыбнулся особист. – Я уверен, что с Вами у нас таких проблем не будет. Невзирая даже на то, что Вы самоотверженно, не покидая исследовательский центр уже более года, не имея контактов с внешним миром, Вы не потеряли бдительности, трудолюбия, активности и желания к самосовершенствованию. Именно на таких, как Вы, Григорий Петрович, и зиждется наше настоящее, строится светлое будущее для грядущих поколений.

Григорий Петрович не знал, что и ответить...

– Ну что же, Григорий Петрович, рад, что у Вас все хорошо. Надеюсь, что и в будущем Вы будете всех нас радовать трудовыми успехами и надеюсь встретиться лично, пожалть Вашу мужественную руку.

Экран исчез. Григорий Петрович, трясущейся рукой достал носовой платок и вытер липкий пот со лба: «Они все знают! Глупо было скрывать неудачи с самого начала, когда казалось, что удастся наверстать, удастся перебросить силы с иных проектов и решить возникшие трудности... Глупо, глупо...». Но заяви он о неудачах с самого начала и его рейтинг сразу бы покатился вниз, а там, гляди, и упал бы ниже отметки компетентности, и тогда бы уж не о переходы в следующую категорию думать пришлось бы, а о том, как бы вообще сохранить свой статус – «падучих» в «обойме управления» не особо жаловали.

– Серёж, – уже забросив подальше всякую официальщину, уговаривал Григорий Петрович начальника станции сделать все возможное для спасения проекта. – Неужели ни как невозможно спасти ситуацию?

– Стараемся, Гриша, стараемся. – в моменты трудностей и общей беды низы и верхи вдруг осознают зависимость и значимость каждой стороны. – Сам же видел, из рук все плохо. – Да уж...

Разговор их длился уже минут с десять и речь все шла о мелочах, способных или не способных переломить ход событий.

– Понимаешь, мне тут звонили, сам знаешь откуда. – Григорий прекрасно понимал, что за разглашение его по головке не поглядят, но это было уже мелочью, по сравнению с провалом проекта, стоившему советскому народу и всем народам-побратимам невероятных средств. На этот проект возлагали огромные надежды, его вознесли едва ли не до небес, сравнивая его выполнение с состоятельностью и возможностями советского общества, потому в официальных СМИ дела шли не только гладко, но и с опережением планов: высокопарные речи, трудовые обязательства, выступления героев и ударников, – потому любая неудача способна была вызвать не только мировой резонанс, но и похоронить под обломками проекта всех его участников.

– Прознали все же. – скривился Сергей. – И что теперь?

– У нас последний шанс...

Сергей Петрович выразился непристойно, что сразу же будет отмечено в его личном деле, но ситуация была критической.

– Может ты ещё раз уточнишь у своих, сколько... – не мог успокоиться потерявший присутствие духа куратор.

– Да что с них взять, с остолопов этих? – негодовал руководитель. – То битву на роботах учинят, то Зинку для утех перепрограммируют. Я бы тех самых программистов, что этих идиотам в головы позитронные связи закладывал да личности прописывал, сам лично, собственными руками... – он вновь выругался. – Ну как таким материалом руководить можно?

– Эх, Серёжа, Серёжа, не застал ты те времена, когда эти самые киборги и шага ступить без вопроса, без четкой инструкции, без вмешательства извне не могли... Было время... Кажется, что так давно, а всего-то каких-то три-четыре года...

– И что же?

– Да то, – смена темы явно повлияла положительно на куратора. – что халтурили они, гибли по чем зря, оборудование ломали, так что их легче людьми было заменить, что сам понимаешь, в таких условиях трудовой кодекс запрещает – эра роботизации и гуманности, что бы их... Вот и нашли Соломоново решение, добавить им самостоятельность, способность решать вопросы в зависимости от ситуации и по своему усмотрению, ну, и по ходу, эмоциями наградили, очеловечили, так что теперь даже и не отличишь – где человек, а где саморазвивающийся кибернетический организм... вот так, Серёжа... Теперь и приходится работать у усложненным и несовершенным, но способным к самостоятельному выполнению заданий материалом... Ну ты все же поинтересовался, как там – я в графиках и цифрах не силен, – признался куратор. – Я же больше администратор, а не технарь.

– Ну что у Вас там, ребята? – связался с буровой площадкой, спрятанной под огромных размеров куполом, Сергей Петрович. – Не сильно отвлекаю?

– Ни как нет! – отрапортовал Иванов, начальник бригады проходчиков. – Оборудование в рабочем состоянии, но окончательно не восстановлено, потому производительность на уровне 75% и постепенно растет...

– Как не полностью восстановлено? – не поверил своим ушам руководитель. – Срочно мне на связь ремонтную бригаду!

Экран мигнул и картинка сменилась. Оба ремонтника, подгоняя вспомогательных роботов уже носками ботинок, продолжали ремонтные работы на работающей установке, в обход всех правил и инструкций.

– Александр Сергеевич, как обстоят дела? – вдруг всплыл экран перед самым носом Алика, изрядно того напугав. – Почему установка не в полной... – Петрович замялся, он тоже не был технарем и потому путался в терминологии. – Не в рабочем состоянии, но запущена?

– Сроки, Сергей Петрович. Ваш приказ. Ремонтирует на ходу...

– А что если?... – и тут не озвученные руководителем проекта, но явные опасения сбылись, буровая вдруг чихнула, казалось, подскочила на месте, и ринулась вниз, в пропасть, которую сама и бурила, увлекая за собой ремонтных роботов, километры кабелей и тонны вспомогательного оборудования.

Сто тысячетонная конструкция, занимавшая все пространство искусственного купола, казавшаяся такой неповоротливой и «вечной», в одно мгновение переломилась в нескольких местах, опоры покосились и сминаемая под собственной тяжестью и мощью работающих механизмов, она в какое-то мгновение исчезла в провале, обваливая за собой стенки, превращая аккуратное отверстие в безобразный кратер.

– О боже!! – взмолился куратор, нарушая тем самым неписанное правило – отрицание религии и приверженность материализму, потому и упоминание о боге является некорректным, мягко говоря.

7.

Куратор отключился. Более говорить ему с персоналом было не о чем. Проект оказался безвозвратно провален, оборудование загублено, а виновные... что о них говорить?! Тут о себе в пору подумать...

Руководителя же проекта так же уже мало беспокоил сам проект. Находясь с куратором на расстоянии миллионов километров они оба находились в одном и том же положении – полной безысходности.

– Ну что ж Вы так, Григорий Петрович? – перед куратором вновь вспыхнул экран. Особист уже не улыбался. Он глядел укоризненно, как смотрят взрослые на малышей, стараясь вызвать в тех чувство вины и раскаяния. – Не усмотрели... Не уследили... Такой проект завалили...

– Я... я не совсем... – принялся заикаясь оправдываться куратор.

– Ну-ну, не стоит. – остановил его особист. – Тут теперь нужно не истерить, а действовать...

– Как?

– Ликвидировать последствия...

– Ликвидировать? – отрешенно переспросил куратор.

– Да! – улыбнулся по-отечески куратор. – Ликвидировать...

– Но как?

– Уборщики, дезактиваторы...

– Да-да! Точно!! – не веря услышанному с подымающимся воодушевлением вскочил со своего места Григорий Петрович. – Как раз на грузовозе бригада дезактиваторов... Приступаю немедленно!

– Вот и прекрасно! – улыбнулся особист. – Надеемся, что хоть это Вам под силу. – и отключился.

8.

– Серёжа, слушай меня внимательно. – сбиваясь и потеряв окончательно присутствие духа тараторил Григорий. – Через пятнадцать минут у тебя будут дезактиваторы. Это наш шанс! Если справимся, то, возможно, получим снисхождение...

– Понял. – кивнул Сергей Петрович. – Продолжай. – они уже давно перешли на ты, нарушая все правила субординации.

– Пятнадцать минут... Дезактиваторы... Прилетают, вычищают и запускают бригаду уборки. Приводят все в порядок и завозят тебе новых работников.

– А сроки? Мы же и так не укладываемся?! – возразил Сергей Петрович.

– Не твои заботы! – оборвал его куратор. – Делай то, что тебе говорят. Нам нужно, чтобы это ЧП не всплыло...

– Понял. Жду.

Спустя пятнадцать минут к основанию купола пришвартовалась шлюпка. Шлюз открылся и впустил бригаду рослых, всех на одно лицо, явно таких же киборгов, как те, за которыми они прилетели, но с громоздкими заплечными ранцами и устройствами, соединенными длинными шлангами с ранцами.

– Сергей Петрович? – приветствовал того старший команды. – Сколько у вас человек персонала?

– Двадцать пять, – ответил ему Петрович, и сразу же поправился. – Извинтите, двадцать четыре... Когда долго работаешь в условиях «секретности», то и киборгов, и себя начинаешь считать по головам...

– Вас понял! Тогда мы приступаем. – кивнул ему старший, так и не представившись.

Вся процедура заняла каких-то десять минут. Во избежание паники и сопротивления со стороны работавшего на теперь загубленной площадке персонала, работников вызывали поочередно, в кабинет руководителя. И когда тот появлялся на ковре, в полной уверенности, что идёт получать указания, в дело вступала бригада... Один едва видимый всплеск из раструба дезинфектора и все искусственные нейронные связи в головном мозге киборга превращались в клейстероподобную массу, непригодную более не для чего.

Ребята работали превосходно. Вспышка и тело не успевало ещё даже покачнуться на ногах, как две пары крепких рук уже подхватывали его и упаковывали в черные сверхпрочные мешки. Мешок исчезал в соседнем помещении – душевой комнате руководителя проекта, и следующий «посетитель» уже переступал порог начальственного кабинета...

– Ну вот и прекрасно. – так ни разу и не улыбнувшись за все время пожал руку начальнику проекта старший бригады дезинфекции. – Я так понимаю – все двадцать четыре тела здесь?

– Да, все. – облегченно вздохнул Сергей Петрович, с удивлением наблюдая, как в углу, где упаковывали тела, разворачивается двадцать пятый мешок. – А зачем?..

– Приятно с Вами было иметь дело! – на чей раз легкая улыбка посетила уста старшего бригады. – У нас в списке вы последний. – и легкая вспышка вновь блеснула в кабинете.

9.

– Прекрасно справились! – улыбался особист, похлопывая по плечу Григория Петровича. – Говорил же, что мы ещё встретимся и будем иметь возможность дружески пожать руки. Превосходно справились...

– А как же проект? Как же мировая огласка? – интересовался куратор, наблюдая за тем, как от грузовоза отделился маленький факел фотонной ракеты чтобы невидимым «черным» взрывом уничтожить всякое упоминание о проваленном проекте.

– Пустяки. – усмехнулся особист. – Не думаете же Вы, что затевая такое дело, наш народ и партия не предусмотрели подобный исход?! Дело в том, что на настоящий момент развернуто и героическими усилиями в той или иной мере успешно развивается сразу три аналогичных проекта. По вполне понятным причинам о том известно не многим, потому одна-две, даже три

неудачи ни коим образом не скажутся на демонстрации мощи, передовых технологий и прогрессивности советской идеологии перед остатками давно поверженного империализма и пока что не примкнувшими к нам отдельными народами третьего мира...

– Да?! – удивился Григорий Петрович.

– Именно. Жаль, конечно, затраченных в пустую средств, не оправдавшихся надежд, но имея второй неудачный опыт, мы сможем предусмотреть в остальных проектах предохранительные механизмы, усовершенствовать технику, более оптимально настроить персонал, воспитать более надежные, продуктивные и исполнительные руководящие кадры... Так что будьте спокойны, ваш труд был не напрасен.

– Спасибо. – с облегчением вздохнул Григорий Петрович. – А то я уж было подумал...

– Не стоит. – улыбнулся ему особист. – Не стоит... Жаль вот только, что Вы этим наслаждаться не сможете.

– Это как? – всё та же вспышка, что только час назад помогала ликвидировать последствия катастрофы на строительной площадке, озарила стены кабинета. Некому было подхватить ослабшее тело куратора и он подобно осиновому листу в безветренную погоду, тихо осел на пол.

В кабинет вошли двое, все с тем же черным мешком.

– Жаль, конечно, разбрасываться такими кадрами. – спрятал портативное устройство особист в карман. – Но, увы, говорят, что с этой моделью сейчас слишком много проблем...

– А что так? – поинтересовался один из вошедших, как две капли воды похожий на ребят из бригады дезинфекции грузовоза.

– Достигли предела компетенции и дальнейшая модернизация представляется нецелесообразной... или невозможной. Вот и подчищаем их, по мере их же ляпов. – он направился к двери. – Закончите здесь без меня. – и покинул кабинет.

– Которого за неделю уже пакуем. – хмыкнул один из дезинфекторов. – Все подчищает, подчищает... А сам-то, из той же самой партии, не ровен час – и его завтра паковать будем...

– Рот закрой и работай. – прервал его второй. – Не наше это дело.

– Молчу, молчу. – согласился первый и взвалил мешок себе на плечи.

Банальная история. Или один день работы рядового гастронома

- Колбаска есть? – неуверенно поинтересовался посетитель магазина.
- Нет! – отрезала продавщица, дородная круглая женщина в не первой свежести переднике, завязанном на прочный узел на мощной спине.
- А когда будет? – не отставал очкарик.
- Вчера! – отвернулась в сторону продавщица, демонстрируя свое презрение к незадачливому покупателю.
- Вчера я тоже приходил, – назойливость униженного покупателя удивляла. – Вы мне ответили, что ожидаете с минуты на минуту.
- То было вчера...
- Так привозили колбасу?
- Привозили. – разговор напоминал общение со стеной. Продавщица, носившая имя Марья Васильевна, некогда красавица, а теперь располневшая и обабившаяся на нелегкой стезе торговли в универсаме женщина, всем своим видом показывала, что общаться с посетителем ей не очень хочется.
- «Все они одинаковы! – ухмылялась она, пихая ногой коробку с колбасой в сторону морозильника. – Одно подавай! А здесь...» Что, собственно, здесь, она не успела закончить, так как мысль её была прервана все тем же неугомонным очкариком в обветшалом пиджачке да сетчатой авоськой в тоненьких руках:
- Тогда мне килограмма полтора по 2—10!
- Ну что Вам непонятно, мужчина?! – с нескрываемым хамством повернулась в его сторону Марья Васильевна. – Нет колбасы.
- Ну, так привезли же...
- Вы меня удивляете! – подперла руками груди продавщица. – Вы что, не понимаете?! Привозят мало – разбирают быстро....
- Но я же вчера весь день просидел у окна! – потрясал руками незадачливый покупатель. – Не было в продаже колбасы! Я все видел!
- Видел он! – хмыкнула Мария Васильевна. – Что он там видел в своих очечках то?! Да ты и свою бабу не увидишь, если она тебя не толкнет, проходя мимо. Иди отсюда, зануда. Нет колбасы. А для тебя и не будет. – и с чувством неопишуемого величия Марья Васильевна покинула место у прилавка, отправившись в подсобку.
- Куда Вы? – кричал мужичонка, переходя на истерический вопль. – Позовите заведующую! Дайте книгу жалоб!
- Закончилась книга жалоб! – парировала величественная Мария Васильевна, элита советского общества – работник торговли.
- В подсобке уже сидели Клавдия и Алевтина, попивая только что заваренный чаек и сдабривая его бутербродами с колбасой и икоркой. Икры было совсем немного, поэтому и икорные бутерброды лежали отдельно, символизируя своим наличием причастность к привилегированной касте.
- Садись, попей чайку, Машенька, – предложила Алевтина. – Угощайся бутербродами. Только нарежали.
- Ой, спасибо, подруженьки. Сейчас, одну минуту.
- Добротный смесевой чай, состоящий по информации на упаковке 50 на 50 из индийского и черного байхового грузинского, наполнил стакан.
- Ой, я вчера такие колготки оторвала. – хвасталась Клавдия, демонстрируя пухлую ногу, обтянутую нейлоном телесного цвета.

– У Ленки из галантереи? – оживились женщины, завидуя подруге завистью продавца, которому не достался кусок свежей говядины. – Сколько отдала?

– Нет, не у неё, – единая каста привилегированных сразу же расслоилась, подняв обладательницу новых колготок над остальными. – У Валерии из ЦУМа. Привезли, болгарские.

– Надо же, – простецки Марья Васильевна потрогала ногу возвеличенной подруги. – А мне ничего не сказала. Я же вчера с ней в подъезде столкнулась. К своему хахалу таксисту прибегала, потаскуха крашенная. И это при живом то муже!!

– Да ты что?! – тема колгот сразу же была забыта, оставив легкую досаду и нервозность у Марьи Васильевны и Алевтины.

– Живет у нас Шурик – бабник и пьянчужка. Работает таксистом и таскает к себе девок после смены. И вот гляжу, последнее время к нему зачастила Валерка. Её то крашеную шевелюру не спутаешь, – взяла инициативу Марья Васильевна. – Шашть туда, а потом, вечером, обратно, домой, к муже. Помада размазана, тени потекли, юбка мятая. Уж и не знаю, если ходишь к мужику, то хоть потом скрывай следы блуда, вот я в молодости... —и осеклась.

– Что ты? —хваткой продавца-обвеса вцепилась в оговорку Алевтина. – У тебя с этим Сашкой что-то было?

– С кем?! С Сашкой?! – возмутилась Марья Васильевна, поглощая уже третий бутерброд с докторской колбасой. – Да где он? Какой-то таксист! А где я?? Ну вы же, подруги, сами знаете.

Подруги знали, что у Маши муж был инженером, создавал не то бомбы, не то ракеты, страдал бессонницей и близорукостью и если бы не жена из гастронома, то давно иссохся бы на свои 200 рублей с переработкой. «Зато интеллигент! – поясняла Машка, стараясь скрыть свое разочарование. – Начнет рассказывать – и сама не пойму что говорит. Но как говорит! Заслушаешься.»

– А с кем было? – не унималась подруга.

– Да что ты ко мне пристала? С кем было? С кем было? – махнула рукой Марья Васильевна и с набитым ртом добавила: – С кем было – то прошло. Я приличная замужняя барышня. Не в пример какой-то Валерке, потаскушке из галантереи.

– Ну ладно, ладно, подруга, – подмигнула Алевтина. – Лучше бутерброд с икоркой отдай. Вчера привезли. Сразу же приехали из исполкома и почти все изъяли. Что успели спрятать, – угощайся. Кто знает, когда теперь икорку-то увидеть придётся?!

«Тебе ли говорить! – с улыбкой поглощала бутерброд Марья Васильевна, продолжая внутренне поносить Алевтину. – Твой-то обрюзгший боров на партийных пайках вон как разожрался. Прекрасно себя чувствует! И курочка, и колбаска, и, небось, икорка когда ни когда перепадёт. Тебе ли жаловаться?!».

– Спасибо, подруга, – улыбнулась проглотив бутерброд Маша. – Хорошо у Вас тут. А за прилавком уже с полчаса никого нет. Идти нужно.

– Да там и на прилавке ничего нет! – хихикнули подруги. – Кто придёт, так и пойдет. Пускай в хлебный марширует, или соки-воды разорит. У нас все спокойно. Колбасу то припрятала?

– Да на месте она. Под прилавком стоит.

– Да ты что?! – вскочили сразу обе. – Заведующая увидит, половину сразу отберет. Ну ты и дура, Маша!! Быстро пошли.

И все трое едва не бегом отправились к пустующему месту продаж.

Но то самое место продаж уже не пустовало. Прямо на Машином месте стояла заведующая магазином и по совместительству, которое не допускалось нормами, но имело место сплошь и рядом, старший продавец. И не просто стояла, а общалась с тем самым потрепанным пиджачком с перемотанной изоляционной лентой очечками.

– Я прекрасно понимаю Ваше возмущение, – сладкоречиво с трибуны вещала Завмаг. – Естественно, это недопустимо и виновные будут наказаны самым строжайшим образом. Хам-

ство в нашем заведении недопустимо! Ваш сигнал для нас очень важен и... – она запнулась, видимо закончились штампы и теперь предстояло либо запустить все по кругу, либо перейти на матерно-завмаговский, которым она владела прекрасно, наставляя своих зарвавшихся сотрудниц на место.

– Так колбаски бы! – просительно отозвался посетитель.

– Войдите же и Вы в наше положение, – аккуратно подвинув подальше ящик с колбасой, продолжила Завмаг. – Мы ожидаем поставки со дня на день. К сожалению, в связи со сложной ситуацией в животноводстве, в настоящий момент имеют место перебои с поставкой колбасных изделий...

– И молочных, и мясных, и сыра нет, и папирсы тоже куда-то исчезли... – под нос пробурчал очкарик. – Но хоть сегодня привезут?

– Ожидаем, но ничего обещать не можем, – снисходительно улыбалась гидра-завмаг.

– Я тогда подожду здесь?! – указал в сторону батарей отопления, размещенных возле окна, покупатель.

– Конечно, конечно, – успокоила его Завмаг. – Как только появится колбаса, вы сразу же увидите.

– Тогда я буду первым в очереди.

– Ну, конечно же!! – улыбнулась лучезарно Завмаг. – О чем здесь можно спорить!

– И книгу жалоб все же дайте...

– Ну что Вы?! Зачем она Вам? – встрепенулась Завмаг и её пышная осветленная шевелюра, пережженная химией, вздрогнула вместе с ней. Прошлая запись некоей истерички им обошлась в значительную сумму и несколько недель нервного состояния во время проверки деятельности работников сотрудниками КРУ.

– Благодарность написать! – простодушно ответил посетитель. И по выражению лица было видно, что он был полон решимости написать именно её.

«Эх, известный типаж, – усмехнулась Завмаг, некогда имевшая имя, а теперь превратившаяся просто в Завмага с большой буквы. – Ты на них кричишь, хамишь, ногами топчешь, а они в ответ лишь раболепно лижут тебе туфли. Откуда ж такие берутся?! И почему много их так развелось?! Наверное, потому, что не имеют доступа к материальным благам! – осенило Завмага».

– Конечно же! Если хотите, то мы Вам и текст подберём. Благодарность от благодарных потребителей – это мера оценки наших стараний обеспечить их всеми благами.

– Я сам напишу, – улыбнулся заискивающе посетитель. – Как ни как, а 30 лет педагогического стажа.

– Что ж, будь по-вашему, – с опаской взглянула на него Завмаг. – Алевтина Вам принесет Книгу. А Вы, девочки, за мной. – скомандовала она властно.

Кабинет Завмага являл собой обычное помещение с персональным кондиционером, личным холодильником и кожаным диваном для посетителей. На диван девочек она присесть не пригласила, оставив тех стоять напротив восседающей на «троне» начальницы.

– Маша, курица ты деревенская! – мягкое начало не предвещало ничего хорошего. – Коза ты давно нее... Ты хочешь вылететь с работы?! Ну и куда ты потом пойдёшь? Пирожками на вокзале торговать? Так тебя потом и туда не возьмут. Улицу мести будешь, собачьи какашки собирать и алкоголиков по парадным гонять! Ты меня слышишь, дорогая ослица ты моя?

– Да, товарищ...

– Ещё одна такая выходка, и ты будешь нам уже не товарищ, буренка волоокая с не доемым выменем! – Завмаг даже привстала от возмущения. – Ты что себе позволяешь? Ты кого обманываешь, тварь ты неблагодарная? Кого подставляешь? У кого крысишь?

– Я... – Марья Васильевна, ставшая вмиг глупенькой пышкой из одного из сел не асфальтированного Нечерноземья, которой приехала искать лучшей жизни в город.

– Что я? Дорогая ты моя, – шипела Завмаг. – Может ты сейчас же хочешь написать заявление? Рассчитаться за все, что мы не найдем или того хуже найдём? И убраться по добру, по здорову?

– Нет, я... – ужас потери такого хлебного места сковал волю Маши. – Я...

– Ты забыла, дура ты подзаборная, откуда тебя взяли? Кто тебя пригрел? Кто от КРУ отмазывал?

– Помню, товарищ Завмаг. Я только...

– Тогда почему ты меня обворовываешь? Что за колбаса у тебя под прилавком? Откуда она?

– Осталось немного...

– Ах, осталось? – вскочила Завмаг. – Утром ещё не оставалось, а теперь вдруг откуда-то нарисовалось? Так.

– Я...

– Да ты дура полная, дорогуша. Все что там осталось, неси сюда немедленно, Машенька. И впредь, хоть раз... Не дай бог тебе не донести излишек и обвес, не поделиться обчетом или вообще, что-то вякнуть на улице о том, как вы икорку жрете в подсобке!! Вылетишь в миг по статье в трудовой!!! Поняла ты меня, скотина ты тупая?!

– Так точно, товарищ Завмаг. Не повторится, – вдруг проступили следствия тесного общения с полковником местной воинской части, обладавшего могучим телом, непреклонным характером, армией рабов-призывников и страстью к пышным женским формам.

– Тогда одна нога здесь, вторая там. – отмахнулась от Маши Завмаг.

– Я сейчас...

– Да, и ещё, не забудь вот что – Михалыч, наш грузчик, опять запил, так что сегодня придет машина с молоком, колбасой и сыром – разгрузите. Вам не привыкать. Свободна. А тебя, Клавдия, я попрошу остаться.

Марья Васильевна, уже давно не девочка, слетела с третьего этажа вниз, аки на крылышках. И так же быстро взлетела вверх уже с ящиком в руках. Картина, свидетелем которой стала она, повергла её в шок.

Клубок женских тел катался по полу, попеременно выбрасывая руку вверх и целясь ворваться в волосы противника, расцарапать мордашку, а то и просто нанести удар наотмашь куда придется. Повизгивая, проклиная друг дружку, сотрудники гастронома выясняли отношения:

– Я за своего Василия тебе все волосы повыдираю. – шипела Клавдия, пиная ногой Завмага, пытавшуюся выбраться из-под разъяренной подчиненной.

– Это мы ещё посмотрим! – отвечала ей Завмаг, хлестая свою обидчицу.

– Не погляжу, что ты здесь за главную. Глазищи твои завидующие повыдираю, будешь с палочкой ходить да с лесенки падать, сучка ты неудовлетворенная.

– От фригидной слышу.

– Ах фригидная?! Да?! – завопила Клавдия и клубок покатился в сторону дивана. – Я тебе покажу фригидную. Я тебе сейчас покажу... Возомнила тут, что если нас обирать и унижать может, то и мужики наши ей тоже подвластны...

– Фригидная-фригидная. – раззадоривала её Завмаг. – Он мне давеча как прошлой ночью это говорил. Все сравнивал нас. И все не в твою пользу, бревно ты недвижимое.

– Ах бревно?! Да я тебя сейчас...

Марья Васильевна аккуратно поставила ящик с колбасами у входа и так же неслышно покинула помещение, прикрыв за собою дверь. Любовь к чужим мужикам Завмага была уже притчей во языцах. Но если честно, то грешила она не более чем все остальные, но будучи постоянно на виду, служила и объектом более пристального внимания.

«Вроде пронесло», – выдохнула Марья Васильевна.

– Где ты ходишь? – поймал её за руку в проходе водитель только что прибывшей машины. – Машенька, пойдем, подсобишь. Я сам выгружу, ты только отвезешь.

Приехал Лёня, водитель того самого мясокомбината, что не успевал выпускать колбасные изделия в количествах, удовлетворяющие все возрастающие потребности рабочего класса. На удовлетворение потребностей отдельных личностей, не относящихся к прославляемому рабочему классу, впрочем, продукции хватало, но так, чтобы на всех – что-то не ладилось.

– Идём, идём, Машенька.. – попытался увлечь её Ленька куда-то в сторону.

– Да ты что?! – звук пощечины разлетелся гулким коридором – Я же тебе уже говорила. Я дама замужняя. Прошли времена.

– Да ну ладно тебе. – не унимался водитель.

– Не до тебя мне сейчас. Завмаг лютует, уволить сегодня грозилась. Давай грузить твою колбасу.

Тяжело вздохнув, Леня более не проронил ни слова за все время. Послушно выгрузил, не глядя передал бумаги, подождал пока взвесят, поставят штампы приемки и дадут возможность убраться восвояси. И стоило лишь тому уехать, как Марья Васильевна, ощутившая себя вновь Машунькой, тяжело вздохнула, провожая того взглядом.

Прибыла колбаса. Весть о том сразу же разлетелась по магазину. И у штабелей ящиков уже выстроилась очередь сотрудников гастронома. Даже ушедший в запой грузчик, и тот приковылял, надеясь урвать и себе пайку. По старой традиции, свои имели возможность выбрать продукты получше, отложить часть «под прилавок» для своих, а то и взять для обмена с такими же сотрудниками, но имеющими доступ к иным материальным ценностям, например, к бижутерии или косметике.

– В зале хоть кто-то остался? – громогласно поинтересовалась Завмаг, внезапно появившаяся в коридоре. Измятая юбка, перекошенная блуза, да толстый слой румян на лице, в остальном – все как всегда. – Машенька, потом заскочишь ко мне.

– Вам как всегда?

– Конечно! – Завмаг была сама доброта.

Все происходило быстро и четко. Настолько профессионально, как бывает только когда работники торговли обсуживают таких же работников торговли. Все четко и профессионально. Даже из подсобки принесли атомные весы – единственные весы, отмеряющий точный вес в магазине. Все остальные весы не то чтобы не были не точными, только настройка у них была идентична, и даже сверяя вес купленных продуктов на контрольных весах, покупатель не отмечал ни какой разницы. Правда бывали случаи когда разгневанный покупатель, изрядно обвешенный, поднимал скандал, но на него либо не обращали внимания, либо виновным оказывался то техник, неверно настроивший весы, либо же продавец, уставший и допустивший оплошность. Конфликт как-то решался, порой в кабинете Завмага (все зависело от ранга покупателя), о наказании же ни кто ни когда не слышал. Корпоративная этика и круговая порука спаивали коллектив, периодически взрывающийся внутренними мелкими и крупными склоками, но внешне коллектив выглядел непреступным монолитом. И наивысшим проступком было нарушение той самой корпоративной этики. Это никогда не прощалось, такой работник увольнялся, а с самыми упертыми случались случаи зафиксированного воровства или иные неприятные вещи.

– Много не отпущу! – сразу же предупредила Марья Васильевна. – Вчера всю партию разобрали, до прилавка так ничего и не дошло. Сегодня скандал по этому поводу случился.

Ропот и согласие – вчера перебрали. Спустя каких-то минут двадцать более половины привезенной колбасы исчезли в подсобках, раздевалках и было поднято в кабинет Завмага. Все же оставшееся Марья Васильевна, с чувством благодетеля, водворила в торговый зал.

По старой традиции, пустой зал, практически безлюдный при пустующих прилавках, вдруг заполнился суетливыми людьми, появившимися из ниоткуда, стоило лишь колбасе даже не появиться на прилавке, а всего лишь пересечь проем в торговый зал.

Удивительным было даже не то, что все эти люди сразу же очутились у прилавков, толкаясь, формируя некую очередь, выясняя отношение и желая побыстрее отдать свои кровные за кило колбасы по 2—10! Удивительным было иное – в разгар рабочего дня, когда в силу особенностей системы, всё трудоспособное население просто обязано было гореть на рабочем месте, значительная часть этого населения вдруг врывается в магазины, выгребая все, до чего только имела возможность дотянуться, закупааясь в прок, с избытком, но обязательно участвуя в общем порыве потребления и приобщения к материальным благам.

– Я здесь стоял... – махал руками оттесняемый от прилавка поношенный пиджак. – Продащица! Товарищ! Скажите же им! Я же был здесь с утра! Я стоял... – его крик уносился вместе с ним куда-то на периферию, выталкиваемый каждым приобщенцем к благам, по своему большинству дамами не менее дородными, чем сами продавцы, и бывалыми бойцами в подобных ситуациях.

Марья Васильевна не стала размениваться на такие мелочи, как восстановление какой-то там справедливости, тем более этот любитель колбас и правдолюб, стоил ей ящика отборных продуктов да выговора от Завмага. Месть была сладчайшим из блюд и ей предавались все с великим удовольствием.

– Да когда же начнут давать? – негодовала бабулька божий одуванчик, перевязанная платком, и не уступавшая в прыти дородным бабам. – Начинать пора...

– Скоро начнем давать, – невозмутимо бросила ей Марья Васильевна, упиваясь своей, пускай и кратковременной, но властью над толпой. – Бумаги заполнить нужно.

– Какие бумаги?! – возмутились в броуновском движении у прилавка. – Обед скоро. Начинать давать.

Но давать Маша не спешила. Извечное слово давать! Не продавать, не покупать, а давать и брать – по-иному советский гражданин, воспитанный в духе социализма, и мыслить не мог. Ещё, бывало, колбасы и прочую снедь, «выбрасывали» на прилавок, или кидали по кило в одни руки, отчего очереди с детьми, бабушками и дедушками выплескивались уже за пределы магазина.

«И правда, обед скоро!» – обратила внимание на часы Марья Васильевна. Работать ей как-то не очень хотелось, а вот отложить себе хоть что-то – имела желание непреодолимое.

– До обеда давать не будем! – отрезала она покупателям, не подымая глаз от бумаг. – С бумагами не все правильно... И витрину положено сначала оформить.

– Не будут, не будут, не будут... После обеда, после обеда, после обеда... – полетел гнул по толпе, вызвав сразу же бурю возмущения.

Но возмущались где-то там, за прилавком, в человеческом месиве, Машу же от них отделяла нерушимая стена торгового оборудования и статус работника торговли. Если сказала – после обеда, то значит после обеда. И ни как иначе.

– Заведующую! – потребовала толпа...

– Обед! – отрезала Марья Васильевна. – Прошу всех покинуть пределы магазина. Откроемся через час...

Праведно возмущаясь, толпа потянулась к выходу, чтобы там выместить все свое негодование на себе подобных, перессориться из-за очереди и высказать свое неуважение очередному козлу отпущения, скорее всего, поношенному пиджаку. Воспитание и дрессура потребителя в стране дошли до такой степени, что далее простого возмущения, дела никогда не заходили. Серая масса привыкла к оскорблениям и унижениям, лишь бы прорваться к прилавку и хоть на пару минут почувствовать себя чем-то большим, отличным, превосходящим толпу, из которой она вынырнула и в которую непременно вернется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.